

АЛЕКСЕЙ ГРЯКАЛОВ
Философ, поэт, прозаик

СОН ПРИ ЯСНОМ СВЕТЕ

Ангел-садовник

В сумерки спилить сухую ветку,
Будто бы невидимо для всех —
Ангел выговаривает ветру:
Сливы цвет летит
 на жгучий вех,
Диких стеблей ток —
 природный смех
Суетно придуман и услышан,
Воробьём озябшим с мёрзлой крыши
Катится навстречу в горсть тепла,
А встречает серая зола.
Бог никем невидим и не ведом —
Некому глядеть и называть,
Лоб перекрестить перед обедом,
Застелить широкую кровать:
Ангелу за что тут воевать?
Среди сухостоя и бурьяна
Одинокий воин — без изъяна,
Без малейшей черноты в крылах,
Бережно врачует древу рану
И не знает, что такое страх.

а у других смех,
 А у третьих сон, как камыш во льду,
 Сейчас по тонкому побреду,
 По прозрачному, как письмо,
 по острому, как веретено,
 Где закраина — острие,
 родничок младенца на голове
 Дышит с ангелом — доверяет всем,
 А я по ломкому льду, как по весне,
 Путник в мокром наряде — остановился,
 сил нет,
 В сенях переводит дух, в овраге тающий снег
 Забрал спутника и коней —
 как явиться теперь пред ней,
 К кому друга вёз — коням дал овёс,
 Волю дал слезам, пропадая сам,
 А теперь в сенях
 мокрый сват-враг
 Утопил жениха — свалил в овраг,
 И стоит в полутьме с мёрзлой душой —
 И она не знает, кто к ней пришёл.

Вечер

Молодо шёл под гору за хлебом и молоком —
 В невысказанный над всей Азией петушинный крик,
 Не надо пред встречным слёзы скрывать тайком:
 Тебе никто не поможет, старик.
 Рядом ручей-бедняк с ледяной струёй,
 Люди без лиц навстречу — вечер украл,
 Две юных плоти слились бездомной семьёй,
 Где-то в ночи берег теснит Арал.
 И потом в гору,
 в гору, горбясь в зимней ночи,
 Заплетаясь в шагах — звуки без слов,
 Всё должно измениться? — кричи не кричи,
 Уже изменилось от бессловных послгов:
 Ни лиц у них, ни шагов, ни сердец —
 У судьбы немые гонцы — только с чужих
 Голосов сообщают, что высох колодезь

Вода и огонь

*Мы носим воду во рту и не пойдём ко дну,
Рыбы нам слуги, а мы — господа воды:
Всемирный потоп гордыне грозит — одну
Правду на всех, а мы не знаем беды,
Нигде не исчезнет след*

мотыги и колеса:

Где упадёт в себя небо, сверзаясь вниз?
Нет таких мест земли — небеса
Не для воды — для небесного родились,
Гольёв пристигнет день,
Дождь, за дождём — дожди,
В воду упала тень
Лица, а следы нашли
Сами себя в воде,
В край налитой собой:
Кто знал, что быть беде,
Ставшей одной судьбой?
Твёрдый корабль плывёт
Дар от земли воде —
Голубь листок несёт,
Где отразилась твердь,
Сникнул паруса жгут,
Поднятое весло:
Люди огня живут —
Огненное ремесло.

Возвращение

Уехал богатым, вернулся бедным,
Дон пересёк вброд,
Глянул окрест — в обозримой вселенной
Разный струит народ.
Тот, кто на торг спешит к перевозу,
Цену узнать хотел,
А кто к Иоанну-Воину грозну,
Всюду уже успел.
У сторговавших земных достоинств
Вырос короб и горб,

У преклонённых — небесных воинств
 Вырос небесный полк,
 Я среди всех — мне Дон по колено,
 Страх покоряет свет,
 Я посреди неразменной вселенной,
 Где переправы нет.
 Туча спустилась — давит на плечи,
 Но не спит глаза,
 Вижу видение недалече,
 Тот стоит, кто позвал.
 Вот он воочию в средостении
 Брани и торга стоит,
 В тёплом животном и близком растении,
 В каждом спешащем бдит,
 Ангел, а брань ведёт по-солдатски,
 Местный воитель рад,
 Но на меня не взглянул по-братски
 В чём я виноват?
 И в средостении Храма и рынка,
 Где запружен причал,
 Белая лужа... разбитая крынка —
 Смотрит, чтоб я отвечал.

Гости-птицы

Пара отлётная
 посетила
 мой бедный кров:
 Ветер выбил стекло — заострённый зов,
 Пролёт на скатерть — маковый луг,
 Пристанище для озябших двух,
 Помнящих лето — оно придёт?
 Уже вернулось тёплым на чердаке
 Столбом кирпичным — не дымоход,
 А май житейский, собранный налегке,
 От земли до неба в дымном стволе —
 Уходит верхом в самую твердь,
 И если жить на красном столе —
 До тепла дожить и не умереть,
 Но утром хмурый стекло несёт,

Смахнул со стола точки белил,
 Если бы мастер знал — пара живёт,
 Он бы окно разбитое не стеклил,
 И хозяин пёрышком между книг,
 Сам бы лёг в историях без конца —
 Крыльями к переплётам приник
 И печаль бы сошла с лица —
 В бесконечность перетекающих строк
 Он бы вжился, как в смутный сон,
 Где рассвет неминуем, но след, как срок,
 Алмаз оставил,
 приручен
 и обречён.

Гроза

Будто природе ведом
 прорвавшийся плач,
 Долго синела темневшая майская туча,
 Вспомнился голос — на град присмиривший Калач
 Предвестия двинулись почти незаметно, летуче
 Встретились вдруг голоса, друг друга не знавшие ране,
 Перед грозой, памятью о предсказанье,
 Заговорили согласно — лица кивали в ответ:
 Нет, не минует гроза, сосед,
 не пройдёт мимо,
 нет!

Но отстоявший от плеч и ступней поспешавших
 Дождь выжидал примиренья — обкладывал день,
 Чтобы оставить сомненья, накапливал тень,
 Взгляды точил, чтоб увидеть стыдливо бежавших:
 Думали — знают, что будет в растущей грозе
 И подверстают её под расправленный ворот,
 Душу в тепле сохраняют, а рассветной росе
 Место укажут, как будто прирученный ворог
 Диких нашествий вдруг станет домашним котом,
 Не перекрутятся стебли растущей пшеницы,
 Травы не лягут побитые градом — и после потом
 Плача прощального будет не слышно синицы.

кроткой тенью
 одно на всех таится
 бытие,
 И в этом неделимом неприступном
 набрали силу демоны молчаний —
 Сейчас им вольный бег — бесовский скок
 Лишь потому, что ночью им не дали
 ни слов, ни чувств, ни воли в забытье,
 А если бы им ночью дать причалить —
 не приручить,
 а лишь признать молчанье,
 Дать место на качелях первых встреч,
 Им показать, что их хотят сберечь:
 Есть место для ночлега и сомнений,
 ведь даже у бездомности есть дом,
 Тогда они не стали бы по следу
 С ухватками
 нечистой силы красться,
 Дать им слова — привиться, не болеть
 Боязнь отдаленья в тёплой близости, в дыханьи,
 В воркованьи на карнизе —
 К голубке голубь
 через крылатый миг,
 И нет у пары — вечно юной пары,
 Скрывающих любовность воркований,
 Если бы им сказаться среди слов —
 среди всех сред
 И всех дней календарных,
 Преобразились бы среди любви,
 Так бы в ночи всё переверковать —
 перевести в слова, уйти от тайн
 Полночных иль полдневных —
 всё высказать и не скрываться
 в страсти —
 Поверх всего, где покрывало — ночь...
 В рассвете бледном — день уже гудит
 То небом,
 то машиной на земле,
 То сам собой звенит в ушах оглохших,
 Коснуться шёпотом и приголубить плечи —
 Невысказанный призрак говоренья
 Ненужным гостем навестил меня,

Единством понимания маня,
 пришёл напомнить полночь,
 Наполнить полдень бледным вспоминаяем —
 Двойник при зраке —
 всех дней постоялец,
 Посланец будущей невысказанной ночи,
 Свидетель-страж единственной из тайн:
 Что остается —
 навсегда осталось?
 Зачем в рассветном утре мысль о слёзной
 Молитве в Храме? —
 вечность до беды,
 В следы голубки голубь на карнизе
 вплетает зов,
 И хоть не видно солнца,
 но посолонь узорные следы,
 И вслед всему — до слуха и до зренья,
 Где призрак к зраку в полутьме приник,
 Преобразить в сближенье отдаленье,
 Наполнить чашу, где живёт родник.

Исход

*С войны никто из мужчин не вернулся.
 Тогда женщины взяли детей и скарб
 и переехали жить на другое место.*

Тяжесть времени на руке,
 Тяжесть яблока с ветки вниз —
 Косноязычие на языке,
 Столпотворение нищих крыс —

Вслед обозу вдоль всех борозд
 Не остаются одни в степи,
 Обеспокоенно спит погост
 Ступка не смазанная скрипит.

Новое жительство — нет мужчин,
 Ни один не вернулся домой,
 В новое место, где жив зачин,
 От кого зачать — один домовой

По ночам давит, хоть кричи... —
 А на заре никого нет,
 Но вдруг кто вернётся к родной печи —
 Надо оставить след.

Книга

Человек идёт вдоль погоста,
 Кажется, это священник,
 Ряска треплется просто,
 Совсем молодой священник:

Вы священник? — Священник...
 Зайдите к нам на минуту,
 Как зовут? — Володимер!
 Он написал книгу.

Ветра упорная лига,
 Осень... падевый мёд:
 Как называется книга? —
 «Почему плачет дитё...».

Несказанное

Tolle, lege!

Возьми моё сердце — читай письма,
 Несказанных слов голубые облатки
 Под цвет высоты, где притихла война
 И воины тверди в прекрасном порядке.
 Стремят друг за другом — теряю следы,
 Стараясь догнать прозвучавшее ране,
 И каждое слово, как признак беды
 Несёт немоту невозможных признаний,
 И голос — мой голос без эха в твоём
 Спешит, чтоб не стать немотой без подмоги,
 Себя самого уронив в водоём
 Беззвучных высот поднебесной дороги.
 И медлить нельзя, и спешить невпопад,
 И страшно, что кончится странствие эха,

И только полночный густой звездопад
Загадкой желанья
ответит,
как смехом.

Один

Он жил почти в одиночку —
Тень на иконе пропала
— птице не по дороге,
Некому вышить сорочку?
А ведь любили многие!
Среди ярых свеч,
будто гонят тьму,
И поникших плеч — в грусть-печаль тюрьму,
Готовь в дорогу суму!
И одиноко вдоль слов-сетей,
Мимо своей не пройти —
Опоздал ангел
утренний из гостей —
Запутал спасающий на пути,
И теперь вестник всегда в слезах
Возвращает свой взгляд и вздох,
И не доскачет до милой казак,
Что словцами цыганочки пренебрёг:
Тебе, казак, изменила она,
Другому сердце она отдала,
Но ты не веришь — дрожит струна
И в труде два любовных крыла.

Среди всех

Зачем шило в мешке таить,
Если истлел мешок,
Зачем воду горшком ловить,
Если дыряв горшок:
Выпало шило на рыжий дёрн,
Водича вслед пролилась —
Вырастет шкворень, тяжёл и чёрн,

Выпил водицы всласть,
 Льётся и льётся из дырок в дне
 Водица из родника,
 Вот уж растут на железном пне
 Четыре жёлтых цветка:
 Один в апреле первым на свет,
 Другой летом — в луга,
 Третий осени серой в ответ,
 Четвёртый сухой — в снега.
 Вот и живут в одной судьбе
 Железо, вода и цвет —
 Встретились вместе: куда голытьбе? —
 И попутчиков нет.

Охота

Аист крылья раскинул —
 Злой охотник убил...
 Я бы тебя покинул,
 Если бы не любил.
 Капли кровь на крыльях,
 Мелкой дробли следы,
 Аист в осенних быльях
 Не ожидал беды.
 Охотник, смерти работник —
 Грубая тень меж крыл —
 Зачем живую заботу
 Кучей дробли накрыл?
 Леса рedeют сети —
 Август спешит успеть,
 Охотник, на белом свете
 Зачем тебе птичья смерть?
 Молча вдыхает запах —
 Порох и падевый мёд —
 Влажно роса на лапах,
 Может, он оживёт?
 Всем чужой однорукий,
 Брошенный всеми в лад
 Выстрелил в птицу от скуки —
 Сам пред собой виноват.

И я бы от такой скуки
 Аиста-друга убил
 И на себя поднял руки,
 Если бы не любил.

Полдень

Затеплить лампаду за левым плечом
 И в полдень-припадок упасть — горячо
 Слова догоняют под ветер с берёз,
 Невидимый ангел слёзы принёс.

Не выплакал слёзы вчерашней грозы —
 Обломанных веток следы на дороге
 И острые рожки глазастой козы
 Следят за прохожими — эти тревоги

Природы громовой и тёплых сосцов
 В траве придорожной ужонком свернулись
 И тучею тёмной полночно вернулись,
 Чтоб с луга прогнать огорчённых косцов.

Идут, на плечах косовицы следы,
 Темнеющих пятен разводы на крыльях,
 Косы лезвиё, как предвестье беды,
 Сверкнёт, отражаясь в росинках на быльях.

И отблески все — и косы, и росы,
 И след молока на сухом молочае,
 И поступь неровную близкой грозы
 Лампада в мерцающем свете встречает.

Разносчик книг

Сухая тяжесть книг —
 угрюмый судьбонос
 грешит познанием света
 На войне — она до сих пор в подне иль в окне,
 Книга конца времён войной раздета,

Сон при ясном свете

Посыпь краюху
 солью,
 Стряхни с плеча
 пыльцу
 И с утренней юдолью
 Сойдись лицом к лицу.
 Ни говоренье птицы,
 Ни зайчик на стене
 Не заменяют лица,
 Позвавшие во сне,
 Как к пристани желанье:
 Паромщик где? — кричи!
 Явились на свиданье —
 Яснейшие в ночи.
 И в день кричи надрывно,
 Не веруя в слова,
 Молитва над обрывом
 Виднеется едва.
 В горячем пробужденье
 Глаза горят слезой...
 А шмель в трудах-боренье,
 И крыльца с бирюзой.

Строка

А как же мне: «Избави от скорбей...» —
 И с чем останусь, скорбию покинут?
 Стынет изба — в прощелья мох забей,
 До срока в марте плод коровий скинут,

Но можно жить: где плотник, там и мох,
 Пора придёт, дубовый сруб устроен —
 Если б не клин, не мох — и плотник сдох
 В житейском слове мир природно скроен.

А в пламени лампы за спиной
 Огонь другой, что случая не знает,
 И всё равно — со мной иль не со мной
 Живёт и светит, не стгорая, тает.

Чучело

Ветер качает шкуру убитой
 лисицы —
 Бес гладкоствольный хитрую перехитрил —
 Встреча двуногих — согласно качаются лица:
 Повествование охотника: ловко следил и убил.
 Хочешь в подарок? — чучельник выстроит тело,
 Тело не плоть — не рвётся из мышцы и жил,
 Странноприимное срамно свершается дело,
 Странно поддельное, будто чтоб мёртвый ожил:
 И из угла, изукрашенный злым постаментом —
 Дерево молча противится и молчит —
 Схвачено клеем — пристроено вечным моментом
 Чучело смотрит —
 и угол мерцает в ночи.

Я с тобой

Ты не закрываешь глаза
 При моём прикосновении,
 Будто схвачены во мгновении —
 Они смотрят назад.
 И там всё видимо-ведомо,
 Петух, и собака, и кот,
 И даже житейская ведьма
 Признанья полуночно ждёт,
 Там кони по степи кочуют
 И пёс безымянный скулит,
 Природную названность чуя,
 Бесок закружился в пыли.
 А без твоего разговора
 И без потрясения в строке —
 Ни гостя, ни жертвы, ни вора
 Следов на прибрежном песке.
 И пойманных грозно любовно,
 Ты бережно держишь в словах,
 Вживая в словесное лоно,
 Пыльцу сохраняя в крылах.